

В.А. Тихонов-Мордвин

Буря и штиль

Морские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8

ББК 84-4

В11

B11 **В.А. Тихонов-Мордвин**

Буря и штиль: Морские рассказы / В.А. Тихонов-Мордвин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 277 с.

ISBN 978-5-458-12253-5

Буря и штиль: морские рассказы: с рисунками художников М. А. Андреева, Н. Энкель, В. Черникеева и др.

ISBN 978-5-458-12253-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. А. Тихоновъ-Мординъ.

УЧЧ
725

БУРЯ И ШТИЛЬ.

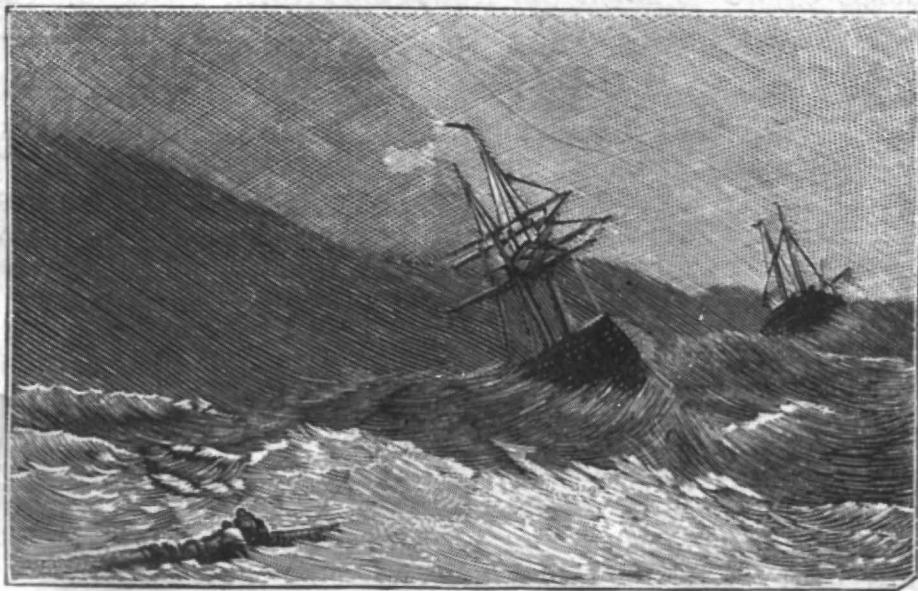
МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

≡ СИЛОЙ ТРУДА ≡

РАЗСКАЗЪ МОРЯКА В. Черникѣва.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКОВЪ:

М. А. Андреева, Н. Энкель, В. Черникѣва и др.

ПЕТРОГРАДЪ.

ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

ОГ.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Петроградъ, Фонтанка, 61.

Красный морской разбойникъ. Сочинен. Франца Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стрр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Оглавление: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель „Каролины“.—На палубѣ „Дельфина“.—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ „Священного острова“.—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленіе къ бою.—„Капитанъ Говардъ“.—Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей! — Геройскій поступокъ.—Въ родной землѣ.—Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

Желѣзный Пиратъ. Соч. М. Пембертона. Перев. съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 45 рисунками. Ц. 1 р. 20 к. „Желѣзный Пиратъ“ Макса Пембертона, одно изъ самыхъ захватывающихъ произведеній этого замѣчательнаго писателя, который отличается силой воображенія и умѣніемъ рисовать живыя картины; въ этой повѣсти дѣйствующія лица рельефно и отчетливо выступаютъ на фонѣ самыхъ захватывающихъ приключений („Литературный Миръ“).

Морскія приключенія. Соч. Е. М. Чистяковой-Вэръ. Крушение и гибель судовъ. Пожаръ на кораблѣ. Битвы съ морскими разбойниками и циратами. Торговля неграми. На естровѣ людоѣдовъ. На дальнемъ Сѣверѣ. Искатели жемчуга. Капитанъ Акула. Капитанъ Бродяга. Запечатанный приказъ. На оторванной въ унесеніи въ море льдинѣ. Страшный капитанъ судна „Черный парусъ“. Жизнь подъ водою. Тайна шкуны Одоноль. Страшное призывное судно и пр. и пр. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. Съ 100 рисунк. въ красивой папкѣ, 235 стр. ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ

«Бигль». Соч. Ч. Дарвина. Полный пер. М. Филиппова иллюстр. изд. въ красивой папкѣ. 386 стр. ц. 1 р. 50 к. „Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль“—одна изъ занимательнѣйшихъ книгъ. Несмотря на присущую Дарвина научную точность и документальность, она читается какъ романъ и смѣло можетъ быть рекомендована юношеству для образоват. чтенія. Отз. ж. „Нива“.

Жизнь и удивительные приключения Робинзона

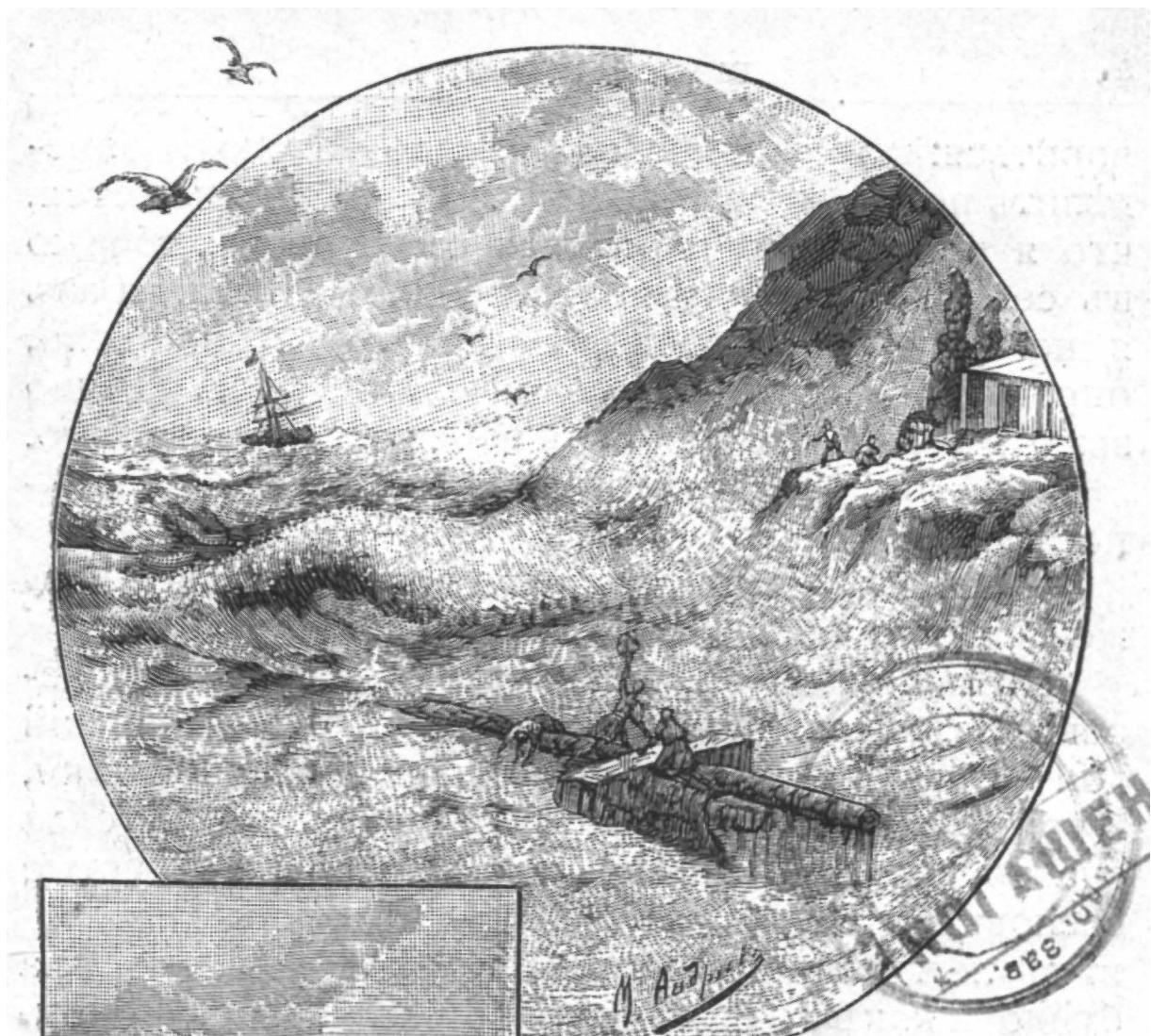
Крузо, описанія имъ самимъ. Соч. Даніеля Дэфо. Новый полный пер. Б. Д. Владимірова, съ 200 рис. художника Гравізія. Спб. Ц. 1 р. Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновенного человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась материаломъ для разсказа самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, вымыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человѣка выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою. 3-е изданіе. 1912 г.

Типографія П. Ф. Воцінскай. Ярославская ул. 1

Государственная
Библиотека
9. СССР

нр. 3. И. Левин

819 49-52

БУРЯ И ШТИЛЬ.

МОРЕ.

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его.
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его провѣрилъ...

А. И. Полежаевъ.

I.

— Вы хотите знать, какъ я полюбилъ море? Извольте, я разскажу вамъ это. Впрочемъ, я долженъ ого-

вориться: когда полюбилъ я море—этого я опредѣлить положительно не могу. Порою мнѣ кажется, что я прямо такъ и родился съ готовой любовью въ сердцѣ къ этой чудной, свободной стихіи; а разъ я не могу опредѣлить — когда, трудно, конечно, опредѣлить — и какъ я полюбилъ море. Точно знаю я только одно: когда я пересталъ бояться его.

— А вы развѣ когда-нибудь боялись моря?— послышался чей-то голосъ.

— О! Еще какъ! И, по совѣсти сознаться долженъ, долго боялся моего теперешняго друга.

Но начну съ самаго начала. Родился я въ деревнѣ, въ усадѣбѣ моихъ родителей. Нашъ барскій домъ стоялъ на берегу небольшой сплавной рѣки, Курмыги; неглубокая и неширокая, тихо текла она то среди поемныхъ луговъ, то черезъ густые сосновые лѣса. Курмыгу лѣтомъ взрослый человѣкъ легко могъ въ бродъ перейти, но весной она буйно и какъ-то беспорядочно разливалась по широкому простору.

— Курмыга-то наша разлилась, что твое море!—говорила тогда моя няня.

— А развѣ море такое же широкое?—спрашивалъ ее я.

— Поди, еще шире!—задумчиво отвѣчала старуха, сама никогда не видавшая моря.—Волга и та шире,—подумавъ немного, съ увѣренностью уже добавляла она.

А я смотрѣлъ на Курмыгу и думалъ, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть красивѣе этого воднаго весеннаго простора. Красивѣе и страшнѣе.

Весной мнѣ и близко не позволяли подходить къ берегу: во-первыхъ, было холодно, а во-вторыхъ случались обвалы, и я съ балкона нашего дома съ завистью смотрѣлъ, какъ мои старшіе

братья и сестры на нашемъ раскрашенномъ катерѣ отправлялись кататься по разливу. Лѣтомъ же, когда Курмыга входила въ берега, они иногда и меня съ собой брали, и я съ какимъ-то священнымъ трепетомъ смотрѣлъ, какъ журчала вода подъ бортомъ катера.

А когда наша лодка далеко отходила отъ берега, мнѣ становилось страшно.

По со-
вѣстѣ
долженъ
вамъ со-
знаться,
чторо съ
явѣдѣт-
ствѣ
преве-
ликимъ
тру-
сомъ.
Чего я
только
ни боял-
ся тогда:
и тем-

ныхъко-
мнатъ, и чужой собаки, и лошадей, а передъ ко-
ровами и быками прямо-таки трепеталъ. Но больше
всего боялся я Курмыги, да развѣ еще грозы. Когда
начиналась гроза, няня уводила меня въ дѣтскую,
опускала занавѣску, я пряталъ голову въ подушки
ея постели и вздрогивалъ при каждомъ ударѣ
грома, и все шепталъ:

— Господи, пронеси! Господи, пронеси! Илья-пророкъ, проѣзжай!

И не любилъ я грозы.

А вотъ Курмыгу, хотя также боялся, но любилъ. Тянуло меня къ ней. Бывало, придешь съ няней на плотикъ, окружавшій купальню, и трясешься весь со страху, а глазъ отъ воды отвести не можешь и съ завистью только смотришь, какъ мои сверстники тутъ же прыгаютъ на одной ножкѣ или въ зыбкомъ ботничкѣ покачиваются. И я думалъ тогда:

„Вотъ вырасту большой, тоже и прыгать буду, и въ ботничекъ сяду“.

А когда меня первый разъ купаться взяли, вотъ визгу-то было! Даже няня разсердилаась, хотя именно она-то своими заботами и сдѣлала меня такимъ трусомъ.

Такъ росъ я лѣтъ до семи, когда впервые увидалъ Волгу—и не только увидалъ, но даже и поѣхалъ по ней на пароходѣ.

Страху я набрался за это путешествіе—и разсказать нельзя! А отецъ все время срамилъ меня:

— Какъ тебѣ не стыдно? Такой большой мальчикъ, а трусишь хуже всякой дѣвочки,—говорилъ онъ.

— А все это плоды воспитанія нянюшки Февроньи Степановны,—иронически замѣчала тетя.

Но какъ бы то ни было, а путешествіе на пароходѣ мнѣ понравилось. Хоть и страшно, а хорошо. И когда мы во второй разъ на пароходѣ поѣхали, я уже былъ гораздо смѣлѣе и рѣшался даже одинъ по палубѣ походить.

А вернувшись домой и разсказывая нянѣ о нашемъ путешествіи, немилосердно хвасталъ. Говорилъ ей, что Волга шире самаго моря, и паро-

ходъ такой большой-большой, но что я ровно ничего не боялся, и рѣшилъ въ тотъ же день отправиться на Курмыгу и сѣсть въ ботникъ.

На Курмыгу я, правда, пришелъ, но въ ботникъ сѣсть побоялся и удовольствовался тѣмъ, что потрогалъ рукой его выдвинутый на песокъ носъ.

Въ эту зиму я уже недурно читать сталъ, и сразу самымъ любимымъ чтеніемъ моимъ сдѣлались всякия путешествія и приключения на морѣ. У себя въ тетрадкѣ я рисовалъ все корабли да пароходы и на каждомъ непремѣнно отмѣчалъ мѣсто, гдѣ должна быть дѣтская.

А къ веснѣ заявилъ отцу, что во что бы то ни стало хочу морякомъ сдѣлаться. А онъ на это только улыбнулся и сказалъ:

— Какой ты морякъ? Трусишка ты, вотъ что!

Мои братья, услыхавъ, что я хочу морякомъ стать, пригласили меня съ собой на катерѣ по разливу покататься, заявивъ, что моряки не только Курмыги, но и Волги бояться не должны. Отступление было отрѣзано, и я съ замираніемъ сердца отправился съ ними на берегъ.

Помилуй Богъ, какъ страшно было! И въ глубинѣ души я желалъ, чтобы наша прогулка какъ-нибудь разстроилась.

Но мы дошли благополучно до катера, братья сѣли въ весла, сестра Лиза взялась за руль, а меня посадили въ серединѣ на скамеечку. Оттолкнулись отъ берега и поплыли. Я зажмурилъ глаза, а братья расхохотались.

— Ну, и морякъ!—сказалъ старшій, Сергѣй.— Посмотрите, какъ у него мордашкѣ-то побѣлѣла!

А я молчалъ и трясясь. Спасибо имъ, что еще они меня пугать не вздумали и лодку не качали,

какъ это обыкновенно мальчики дѣлаютъ: непремѣнно бы я тогда со страху въ воду бросился.

Когда мы были уже довольно далеко отъ берега, я открылъ глаза и замеръ отъ ужаса: кругомъ вода, вода и вода! А къ ужасу этому примѣшалось и другое чувство: восторгъ передъ красотой. Оторваться взглядомъ не могъ я отъ этой чудной глади и молчалъ, какъ зачарованный.

Съ часъ, если не больше, катались мы, и когда я выскочилъ на берегъ, со мной сдѣлалось что-то въ родѣ истерического припадка. Я хохоталъ, прыгалъ и даже кувыркался отъ восторга и всю ночь потомъ провелъ очень беспокойно: то и дѣло просыпался, вскрикивалъ и даже пласалъ.

А черезъ день меня ждало новое искушеніе: казачокъ Федька сказалъ мнѣ:

— Ну, эка невидаль, что вы на катерѣ катались! Катеръ—что! Катеръ большой! А вотъ не хотите ли вы со мной на ботничкѣ проѣхаться? Что, небойсь, струсили?

— И нисколько не струсили! Нисколько не струсили! И съ удовольствіемъ поѣду на ботничкѣ!—загорячился я.

„Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь!“

— Ну, тогда послѣ чаю приѣгите къ купальнѣ, такъ чтобы только большие не видали. Я ужъ тамъ буду,—сказалъ Федька.

Отпили чай, и я обходнымъ путемъ, черезъ садъ, отправился къ купальнѣ. Только разъ въ жизни пришлось мнѣ испытать то чувство, которое охватило меня тогда: это было спустя десять лѣтъ, и я также черезъ садъ шелъ на первое свиданье съ девушкой, въ которую былъ впервые влюбленъ: и жутко, и страшно, и непреодолимо влечетъ.

У купальни, сидя на кормѣ ботничка, ждалъ меня Федька.

— Ну, прыгайте!—сказалъ онъ мнѣ, подводя бортъ утлой лодчонки къ плоту.

Я перекрестился, но не прыгнулъ, а осторожно и весь трясясь, какъ-то вползъ въ ботникъ. Федька толкнулся весломъ, и лодка сразу покачнулась.

— Ай—взвизгнулъ я.

Но было уже поздно: нась подхватило теченіе, и утлая скорлупка наша быстро понеслась къ стержню рѣки. Федька мастерски работалъ весломъ, а я, испуганно озираясь по бокамъ, крѣпко держался руками за лавочку, судорожно подобравъ подъ себя ноги. Я боялся поставить ихъ на дно. Мнѣ казалось, что старыя, гнилые доски сейчасъ же провалятся, и я утону. При каждомъ движеніи Федьки я весь съеживался, по лагая, что вотъ-вотъ сейчасъ всему конецъ.

А ботникъ быстро скользилъ по теченію, то поднимая, то опуская свой носъ.

И опять чувство восторга начало смыкаться въ моей душѣ съ чувствомъ ужаса. Но послѣдній взялъ верхъ, и я прошепталъ:

— Федя, я на берегъ хочу!

Федька иронически улыбнулся и повернулся къ берегу.

Почувствовавъ подъ ногами землю, я на этотъ разъ уже не визжалъ и не кувыркался, а только, слегка пошатываясь, шелъ по берегу, и мнѣ было жалко, что я такъ рано самъ прервалъ это жуткое наслажденіе.

Въ это же лѣто, когда Курмыга вошла въ берега, я уже одинъ катался на ботникѣ, не взирая на причитанія и оханья моей нянюшки.

А когда намъ всей семьей опять пришлось